

Там, где нас нет

Автор:

Михаил Успенский

Там, где нас нет

Михаил Успенский

Очень немного в мире фантастов, создавших свои миры. Авторов, у которых драконы плюются огнём, а рыцари в ответ пуляют плазмой из бластеров, где принцессы владеют карате, а девы-воительницы хрупки и обаятельны, где царствует знаменито-станиславское «Не верю!», – сейчас море. А чтобы с замиранием сердца следить за парой малоросликов, которым по плечу спасти целые королевства и страны, твёрдо знать, что Волкодав – это прежде всего имя могучего варвара, а уже потом порода собак – таких создателей почти ничего. Михаилу Успенскому удалось создать такой мир. Это Многоборье – край дремучих лесов, отважных богатырей и прекрасных дев. Мир, где можно встретить великого подземного Идрик-Змея или сыграть при желании в карты с Водяным. Где сказочный паренёк Жихарка, тот самый, кого пыталась съесть злая ведьма, уже вырос, и теперь все зовут его Жихарь. И вот приходится Жихарю-богатырю из-за случайной княжеской немилости отправляться в далёкий и опасный путь. Много боёв и испытаний предстоит ему выстоять. Но ведь на то есть и удаль молодецкая, и сила богатырская. А главное – друзья верные. Роман написан в 1995 году и уже считается классикой славянского фэнтези.

Михаил Успенский

Там, где нас нет

Часть первая

Глава первая

Рекомендуется сервировать стол одинаковыми приборами и посудой однообразного фасона и расцветок.

Книга о вкусной и здоровой пище

Вороны в тот день летели по небу не простые, а красные.

Примета была самая дурная, да что с того: давненько уж не бывало в Многоборье добрых знамений. Если у кого в печи убегала из горшка каша, то непременно в сторону устья, к убытку; кошки даже в жару спали, спрятав голову под живот, – к морозам; вышедший ночью во двор по нужде обязательно видел молодой месяц с левой стороны. У многих чесалась левая же ладонь, предвещающая новые налоги. Мыши в домах до того обнаглели, что садились за стол вместе с хозяевами и нетерпеливо стучали ложками. Повадился ходить со двора во двор крепкий таракан Атлант – он безжалостно пенял людям, что не сметают крошек на пол, и возразить ему было нечего. В разгар зимы корова родила теленка, доподлинно похожего на бондаря Глузда. Бондаря, конечно, поучили до смерти так не делать, да что толку бить по хвостам?

Время от времени выходили из боров недобитые отшельники-неклюды, приговаривали так: вот, не слушались нас, то ли еще будет, захотели себе начальной власти, терпите нынче и не вякайте.

И не вякали: сами виноваты, крикнув себе князя.

Князь Жупел родился не от благородных пращуров, а вышел непосредственно из грязи. Дело было летом, как раз напротив постоянного двора старого Быни. Там посреди дороги вечно держалась лужа – ни у кого не доходили руки завалить ее песком и щебнем. И в некоторый день что-то в луже оживилось, забулькало, а потом начало и пошевеливаться. На беду, в эти дни по дороге никто не промчался на коне сломя голову. «Шевелюга обыкновенная», – решил старый Быня, и нет бы ему шурануть пару раз вилами в грязь, так он еще лужу-то

огородил веревкой и привязал к ней красные лоскутки.

Через какое-то время стало понятно, что это не просто шевелюга, коли можно различить у нее руки, ноги и даже голову. То и дело по луже пробегала мелкая рябь. К постоялому двору, обычно безлюдному, начал подтягиваться народ. Кое-кто утверждал, что это ночью чужой проезжий пьяный свалился с телеги, а теперь вот мучается. Решено было поднести несчастному ковшик браги. Но подноситель и сам пил непробудную чашу, руки и ноги его не слушались, брага пролилась прямо в лужу. Зашипело и забулькало живее прежнего – должно быть, от дрожжей, – тело обозначилось крупней и лучше, в голове даже прорезались глазки. Глазки были небольшие, зато близко посаженные, белесые, с тоненьким черным и продольным зрачком. Было еще, оставалось время навести порядок все теми же вилами, но всем хотелось поглядеть, что будет дальше.

Дальше тело засучило конечностями и попробовало подняться. Пособлять ему никто не стал, страшась замараться. Тело заскрипело зубами и погрозило всем пальцем. «Соображает!» – обрадовались люди. Распахнулся большущий рот, оттуда раздались ругательные слова, да такие грозные, что росли, мнилось, прямо из зубов. Слов этих здесь раньше не слыхивали.

Тело встало на корточки, все облепленное черной грязью и мелкой зеленой ряской, и выбрело из лужи, по дороге перекусив ограждающую веревку. Народ посторонился, доброхоты слетали к колодцу и окатили грязного студеной водой. Он задрожал, но показывал руками – давай, мол, еще. Когда грязь и ряска сошли, из-под них показался небольшой человек в золоченых одеждах.

Голова у него была совсем круглая, уши топориком, нос морковкой, брови домиком, а каковы глаза и рот, все уже увидели. Волос на голове водилось немного, зато вокруг лба, висков и потылицы поднимались острые костяные выросты.

– Да ты кто будешь? – спросил старый Быня.

– На же – не признали! – обиделся выходец из грязи. – Вы глаза-то бесстыжие протрите! Я же ваш прирожденный князь, грозный Жупел Кипучая Сера!

Укрепляя его правду, в воздухе и впрямь завоняло.

В Многоборье никаких князей не знавали и в худшие времена – от иных земель было оно отделено, как всякому понятно из названия, множеством непроходимых боров. Дань, правда, иногда платили каким-то чужим князьям, хотя, может, это вовсе никакие не сборщики дани приезжали, а свои же разбойники Кот и Дрозд, только переодетые и умытые. Но ведь жили как-то, неохотно слушаясь стариков и лесных неключдов...

– А на голове почему рога? – привязались люди.

– Сами вы рога! Это княжеская корона!

Потрогали корону пальцами – твердая, и с головы ее ничем не собьешь, разве что голову снести, пока не поздно.

– А вы не верили... – усмехнулся князь Жупел Кипучая Сера.

Многоборцы стали переглядываться, перешептываться. Не может ведь человек, хотя бы и с рогами, ни с того ни с сего объявить себя князем! Раньше ведь никто до такого не додумался, да и с какой радости?

Старый Быня, видя смятение, пригласил пройти к нему и заесть, запить это дело. Споры продолжались и за столом. Брага призвала к жизни целую кучу народной мудрости. Одни говорили, что крепка рать воеводою, а тюрьма – огородою, другие – что без матки пропадут и детки, третьи – что без столбов и забор не стоит, четвертые – что без запевалы и песня не поется, пятые – что без перевясла и веник рассыпается, шестые – что тому виднее, у кого нос длиннее, седьмые – что без князя земля – вдова, восьмые – что князь – батька, земля – matka. Тут, правда, встряли девятые и десятые: дескать, князь – не огонь, а близ него опалишься, и вообще от власти одни напасти.

Да только кто их слушать будет, девятым-то с десятыми!

Тут, за столом, Жупел и начал княжить над Многоборьем – сперва незаметно, потихоньку, а потом и в полный разворот, так что стало тошно даже непривередливым кикиморам, а бесстрашные по причине размеров и глупости братья-великаны Валигора, Валидуб и Валидол, когда им рассказывали о деяниях князеньки, покрывались пупырышками величиной с голову младенца.

...Позже на этом самом постоялом дворе один приблудившийся мудрец-шатун выслушал повесть о чудесном обретении князя из зацветшей лужи, задумался и объявил, что, мол, таков, в сущности, генезис любой власти. За это незнакомое, противное уму и слуху слово его стали было бить, но ошиблись и просто напоили.

Жупел, прослышав от мгновенно расплодившихся ябедников про мудреца-шатуна, разгневался и приказал считать, что это сам Громовник, пролетая над Многоборьем, изронил свое живоносное семя в лоно Матери – Сырой Земли, отчего она и понесла на радость людям. Старики засомневались: зачем бы такому почтенному богу тешить себя в небе на сухую руку, когда ему рада любая туча? Но старики как-то быстро перемерли, а князь велел сложить про себя в народе песню с такими словами:

Мы видали все на свете,

Кроме нашего вождя,

Ибо знают даже дети,

Что вождя видать нельзя!

И далее в том же духе. С этой песней многоборцы стали ходить в походы на соседей. А соседей было множество:

и проворные стрекачи;

и осмотрительные сандвичи, носившие щит не только на груди, но и на спине;

и неутомимые толкачи; и говорливые спичи;

и суровые завучи;

и вечно простуженные сморкачи;

и разгульные спотыкачи;

и сильно грамотные светочи;

и пламенные кумачи;

и гораздые лечить скотину ветврачи;

и гордые головане;

и твердые чурбане;

и расчетливые чистогане;

и веселые бонвиване;

и трудолюбивые котловане;

и рудознатцы-колчедане;

и рыболовы-лабардане;

и огородники-баклажане;

и разбойные жигане;

и рассудительные старикане;

и малочисленные однополчане;

и строгие столбцы;

и разнеженные шлепанцы;

и бесчестные разведенцы;

и обстоятельные порученцы;

и хрупкие мизинцы;

и коварные жгутиконосцы;

и, наконец, шустрые мегагерцы!

Много их было, а ведь всех многоборцы при новом вожде примяли, примучили, принудили. Потому что князь Жупел первым придумал военные хитрости: нападать без объявления брани, жечь дома и целые города вместе с обитателями, резать сонного врага на ночлеге... «Гляди-ка, так и вправду ловчее воевать!» – радовались поначалу многоборцы. Они думали, что это какое-то новое колдовство. А потом стали тяготиться и сомневаться в содеянном.

Но Жупел уже не больно в них нуждался – было на что нанять пришлых бойцов, и они не замедлили явиться со всех концов света. Послужить у Кипучей Серы считалось даже за доблесть. Он стал уже поговаривать о дальних походах – в Наглию, в Бонжурию, в Неспанию, в Дискобар, а там, глядишь, и в Кромешные Страны...

Но сперва он решил жениться. Супругу же взял не в подчиненных землях, а в заморском Грильбаре сосватал дочь старого царя Барбоза – прекрасную Апсурду. То есть это она сама звала себя прекрасной, потому что никто не решался сказать ей всю правду про ее рябое личико. Апсурда приловчилась травить ядом непочтительных, даже и ближнюю родню. Князь Жупел на всякий случай ел из ее тарелки и пил из ее кубка – и то, бывало, живот прихватывало. До чего дошло – даже зеркала боялись отразить ее в подлинном виде, угодливо изгибались и лепили, как могли, красавицу. А когда стала она мужней женой, Жупел сообразил, что рога у него на голове выросли как бы в задаток...

Но все равно они жили вроде голубков. Апсурда как раз и придумала наречь самую большую многоборскую деревню Столенградом – как будто у других князей города не стольные!

Дружину князь принужден был уважать и пировать с ней за одним столом. Стол был длинный – иные из княжеских доброхотов уверяли, что три версты. Три не три, но челядь валилась с ног, обнося богатырей питьем и едой.

Что уж в этот день праздновал князь Жупел – установить не получится. Убили, поди, кого-нибудь – вот и праздник. Обычное застолье, сытое и пьяное, с песнями про князя и плясками про княгиню, с прочими развлечениями.

Одно развлечение было самое главное и любимое. Его уже давно придумал княжеский старший похабник Фуфлей, и Жупел Кипучая Сера весьма одобрил, а уж как княгинюшка радовалась! А ведь проста была забава, немудряща, проще игры в стукалку. И тратиться на нее не надо было.

Вот она вся: одному из дружинников вместо полагающейся серебряной ложки подавалась деревянная.

Глава вторая

В холодном сумраке покоя,

Где окружили стол скамьи,

Веселье встречу я какое

В разгуле витязей семьи?

Велимир Хлебников

Есть с дерева считалось превеликим оскорблением для того, кто привык иметь дело с железом и железом же добывать золото. Оскорбленному оставалось в поединке отвоевать серебряную ложку у кого-нибудь из товарищей, либо наложить на себя руки от сраму, либо...

Князь довольно улыбался и старался разглядеть обиженного подслеповатыми глазами сквозь изумрудную линзу. Линза эта в свое время принадлежала самому царю Навуходносору, и вавилонский затейник завещал ее тому, кто превзойдет его в пороках и злодействах. Награда сквозь века нашла достойного без всяких затруднений.

Вот и липовая ложка нашла молодого Жихаря.

«Поделом», – шептались иные, а многие боялись, что детина вызовет на бой именно его. А если не выберет, стерпит, то из дружинников пойдет прямо в позорные подметалы...

Княгиня тоже улыбалась. На случай, если богатырь проглотит оскорбление и воспользуется ложкой, она ее три дня вымачивала в яде семибатюшной гадюки.

Жихарь неуклюже поднялся с лавки на своем дальнем конце. У него еще борода как следует не выросла. Дитина взял ложку двумя пальцами и оглядел самым внимательным образом. Потом наклонился и достал из-за голенища другую ложку – тяжелую, золотую, почти с ковшик – и показал ее всему собранию, подняв за стебель. По стеблю вились причудливые узоры, на черпале были вырезаны колдовские руны. Принадлежать сопляку такая чудесная ложка не могла, наверняка где-нибудь взял в бою, а скорее всего – украл, но не то беда, что украл, а то, что осмелился не подарить владыке своему.

– Вот чем добрые-то люди хлебают! – провозгласил Жихарь. Князь рассмотрел золотую ложку и позеленел, как его изумруд: ложка была побогаче княжеской, да Жупел и не поднял бы такую. – А деревянной – сам жри! – крикнул Жихарь и метнул липовое орудие через весь стол.

Стол был, конечно, не три версты. Легкая ложка не пролетела бы такую долгую меру. А тут Жихаревых сил хватило в самый раз.

Ядовитая деревяшка, гудя и завывая в воздухе, пролетела над братинами с вином, над жареными лебедями и печеными поросятами, над могучими осетрами и палевой стерлядью, над горами черной икры, над заморскими бананами и родной квашеной капустой, над великанскими пышными пирогами двадцати двух видов и родов, над мисками с моченой брусникой, над редькою в меду, над вареными в пиве раками, над студнем говяжьим, над студнем свиным, над студнем куриным (длинный, длинный был стол, чего уж там!), над жареной бараниной с гречневой кашей, над карасями в сметане, над отварными телячьими ножками, над гусями, затаившими в себе яблоки, над киселем из пареной калины, над стогами зеленого лука, над печатными пряниками, над кашей из сладкого сорочинского пшена, над солеными огурцами, чей рассол дожидался завтрашнего утра, над щами, борщами и ухой, над вареными

языками, над томленной печенкой...

Но тут стол все-таки кончился и начался грозный князь Жупел Кипучая Сера.

Летающий снаряд угодил ему черпалом прямо в лоб.

Эх, зря пожалел богатырь метнуть золотую ложку, та наверняка сумела бы развалить Жупелу голову, а дружинники хвастались бы потом, что на столе у них сегодня были княжьи мозги.

Лоб у князя был хоть и невысокий, но очень твердый, и липа не сдюжила, раскололась как раз на две половинки. Обе они были немедленно похищены на память ближайшими сподвижниками Жупела. Князь в это время потерял сознание.

Жихарь недобро оглядел приостановившийся пир, сел обратно на лавку и в наступившей тишине принялся золотой ложкой шумно хлебать тройную уху.

Первыми, на свою голову, опомнились особые ненавистники Жихаря – Заломай и Завид. Они вскочили и затеяли крутить товарищу руки, причем Завид больше старался насчет золотой диковины. Зато ему и досталось больше, чем напарнику: улетел без памяти в угол и пропустил всю гулянку.

К чести дружины надо сказать, что большая и лучшая ее часть в пленении преступника пока не участвовала, но желающих все равно хватило. Щедро обливаясь кровью и метко плюясь друг в друга выбитыми зубами, верные соратники все же совладали свалить Жихаря под лавку и этой же самой лавкой придавить к полу. Сверху на лавку уселись человек пятнадцать, и на рожах их тотчас же выразилась законная гордость.

Жихарь чуть полежал, собрался с силами, подтянул ладони к груди и выжал над собой лавку со всеми устроившимися. Потом подтянул и ноги (драгоценная ложка была уже за голенищем), страшно крякнул и, напрягая спину, вскочил, продолжая удерживать лавку. Мало того, он вытолкнул ее над головой и стал, перелagая из руки в руку, раскручивать. Как заведено по законам природы, сперва полетели крайние, а потом и все остальные. Двое последних устремились вместе с лавкой над застольем в сторону все того же князя, но не долетели, грохнулись, поломав и столешницу, и не уберегшегося жареного осетра.

Князь очнулся и встал. Его и без того лишаистое лицо все пошло красными пятнами – то ли от гнева и стыда, то ли от яда, пропитавшего липовую ложку.

Снова залегла тишина.

– Кто сказал «позор Многоборья»? – прошипел Жупел.

Вслух, конечно, никто этого не говорил, но, когда много людей думают враз одно и то же, получается все равно что вслух.

– Взять его! – пожелал князь.

Виновато и злобно косясь друг на друга, еще несколько дружинников бросились к оскорбителю, среди них и старший похабник князя Фуфлей. На полу вышел целый курган из тел или, вернее сказать, вулкан, потому что из вершины внезапно взметнулась золотисто-рыжая голова Жихаря.

– Ты смотри – сироту всякий норовит обидеть! – невнятно пожалобился он неизвестно кому и снова скрылся, предварительно выплюнув на пол чье-то неосторожное ухо.

Княгиня Апсурда, трепеща, надзирала за схваткой и указывала, по каким местам следует бить поганца. Князь Жупел с великим сожалением гладил треснувший изумруд.

Только старый мудрый варяг Нурдаль Кожаный Мешок никуда не лез, а молчком сгребал все со стола в припасенный как раз для такого случая кожаный мешок.

Ломти осетрины летели туда заодно со ржаными ковригами и заливались калиновым киселем: суровый воин Севера не без оснований полагал, что в брюхе им все равно суждено соединиться. На застольный грабеж никто не обращал внимания.

Наконец князь, визжа и ругаясь, бросил в схватку и тех, кто до сих пор воздерживался. Жихарь вздрогнул, увидев, как идут к нему, бледнея и краснея, самые верные и надежные приятели, и сил у него сразу поубавилось.

Княгиня Апсурда вытащила спрятанный промежду грудей отравленный кинжальчик и, щурясь, стала целиться. На мгновение перед ней мелькнула красная рубаха Жихаря; кинжальчик помчался на убой, но вопреки ожиданиям княгини вонзился пониже спины мерзопакостному Фуфлею. Яд был такой крепкий, что Фуфлей мигом посинел, распух и больше не жил.

– Поддайся, Жихарь! – уговаривали боевые друзья. – Все равно сегодня помирать!

– Лучше вы сегодня, а я завтра! – сопел Жихарь.

Но сколько ни сопел, а скрутили его – сперва кожаными ремнями, а для верности и цепями.

У замучившейся дружины не хватило даже сил дотащить пленника до князя, пришлось грозному Жупелу самому вставать и ковылять на недлинных ножках.

– А вот и суд мой праведный идет! – обрадовал он всех утончившимся от пережитого голосом.

Воины разошлись вдоль стен, стыдясь глядеть друг на друга. Только старый мудрый варяг Нурдаль Кожаный Мешок жалобно глядел на все еще обильное застолье – в мешок больше ничего не лезло.

– Говори, дубина, кто надоумил тебя оскорбить княжеское величие? – пристал Жупел к богатырю.

Жихарь подумал, сощурил и без того заплывший глаз.

– Да княгиня твоя, – сказал он. – Изведи да изведи постылого – зудила, зудила каждую ноченьку...

– Врешь, – сказал князь, ибо доподлинно знал, что как раз Жихарь-то княгиней брезговал.

– Врешь, – зашипела и княгиня. – Какой ему суд, когда и так все понятно?

– Верно, – сказал Жупел. – Все и так все видели. Словом, за то, что зарезал он лучшего друга, нашего достойного Фуфлея, подлым отравленным ножом, бросить Жихаря прямо в Бессудную Яму на острые осиновые колья!

– Слава! Слава! – одиноко вскричал очнувшийся Завид. Остальные недовольно молчали. Недовольна была и княгиня Апсурда – она недавно выдумала новую отраву, настой бородавок на крысином молоке, и хотела ее на ком-нибудь опробовать. Потом подумала и решила распусть слух, что молодой воин и вправду был казнен за преступную любовь к повелительнице: может быть, какой-нибудь дурак и поверит. И песню сложит.

...Столенград был обнесен высоким частоколом, и на каждой его тычине насажена человеческая голова. Это, по замыслу князя Жупела, должно на деле показать всем добрым людям силу и мощь Многоборья и связь его с иными народами. Тут были воины всех соседних племен, да и отдаленных хватало.

Далеко не все эти головы были отсечены в честном бою. Говорили, что князь Жупел рассылает по отдаленным землям особых людей, которые попросту выкупают это добро у могильщиков. Да и заморские купцы, приезжая в Многоборье по своим делам, хорошо знали, что будет от владыки всякая помощь и поддержка, если поклониться ему чьей-нибудь головой, желательно редкого вида: чернокожей и толстогубой или, наоборот, желтой и узкоглазой. Почетных и желанных гостей князь усердно водил вокруг страшной смердящей ограды и долго, с отягчающими подробностями рассказывал, где и при каких обстоятельствах заполучил он каждую голову, о нечеловеческой доблести и бешеном сопротивлении бывших головоносцев. При этом Жупел сильно махал руками, пока не уставал. Если же гость-невежа указывал, что вот эта голова, несомненно, женская, князь нимало не терялся и повествовал о свирепых богатырках Бабьей Земли Окаянии, которые в бою стоят десятерых мужиков.

Но голове Жихаря не суждено было украсить собой мертвую городьбу: что за честь держать тут своего же подданного! Поэтому его с великим трудом выволокли через княжий двор на самую вершину горы Чернухи, к Бессудной Яме.

Никто во всем княжестве не знал, что находится на дне этой самой Ямы.

Считалось, что туда вбиты острые осиновые колья; да только кто бы лазил их туда вбивать? Раньше случалось, что подпившие дружинники, поспорив, пытались спуститься в мрачный провал на веревке, но обратно не вылез ни один, а сама же веревка неизменно оказывалась пережженной.

- Не мы тебя, Жихарь, ведем - судьба тащит! - оправдывались дружинники.

- Я вас из-под земли достану! - грозился Жихарь. И могучие бородачи ежились: несмотря на зеленые лета, слава у Жихаря была самая дурная. Много всякого он успел натворить и в бою, и в пиру, и в девичьих светелках.

- Прости, друг! - приговаривали соратники, и многие при этом исходили честными слезами.

На краю Ямы, возле деревянного кумира Владыки Проппа, остановились, чтобы подождать коротконого князя. Кумир был вырезан грубовато, но умело: всякий враз признал бы высокий лоб, добрый взгляд, аккуратные усы и крошечную бородку. Очи Владыки обведены были двумя кружками - без них, верили, он плохо будет видеть. Поклоняться Проппу стали еще в незапамятные времена, такие незапамятные, что никто и не помнил, что это за Пропп такой и зачем ему следует поклоняться. Много чего знали про Белбога и Чернобога, про Громовика и Мокрую Мокриду, да и про Отсекающую Тени рассказывали немало лишнего; некоторые самолично видели издали Мироеда, а вот насчет Проппа никто ничего определенного сказать не мог, у него даже жрецов своих не было. Знали только, что жил он на свете семь с половиной десятков лет и установил все законы, по которым идут дела в мире. Законов тоже никто не помнил, хотя исполнялись они неукоснительно.

Жихарь взглянул в лицо идолу, вздохнул:

- И ты такой же! Я ли тебе не жертвовал - и новеллы сказывал, и устареллы!

Пропп ничего не ответил, только вздохнул в ответ и, казалось, хотел бы развести деревянными руками, да были они вытесаны заодно с туловищем и ничего не вышло.

Тут и князь приковылял, а уж за ним, шатаясь под тяжестью вкусного груза, старый варяг.

Жихарь с отвращением принимал объятия и поцелуи прежних друзей, и так детину при этом корежило и воротило, что два сыромятных ремня порвались, да и цепь стала подозрительно потрескивать.

- Нечего рассусоливать, бросайте! – велел князь.

Рыдая в голос, богатыри раскачали Жихаря и метнули в черную бездну как раз в тот миг, как раскочиться цепи. Паскудный Завид стоял несколько поодаль и, трепеща от радости, разглядывал украденную все-таки золотую ложку. Но недолго пришлось ему любоваться: поросшая сивым волосом ручища Нурдаля Кожаного Мешка вырвала добычу из дрожащих лапок.

- Я первый взял! – возмутился Завид. Не говоря ни слова, варяг ударил Завида в лоб, подошел к Яме, склонился, подержал драгоценную добычу двумя пальцами, потом разжал их.

- Ни себе, ни людям! – завозмущались воины.

Нурдаль нехорошо оглядел их всех, считая князя, решительно поднял свой кожаный мешок и отправил его вслед за Жихарем и ложкой.

- Ты бы еще коня его туда скинул, – только и сказал князь. Никто не хотел связываться с Нурдалем Кожаным Мешком, даже сам Жупел Кипящая Сера. Старый варяг первым пришел наниматься в дружину, лучше всех знал воинское дело, боевые обряды и обычаи. Вот и сейчас получилось, что Нурдаль, хоть и не полностью, исполнил долг перед похороненным заживо бойцом.

Тут и остальные усовестились, окружили Яму, обняли друг друга за плечи и завели погребальную песню:

На красной заре

В Кромешной Стране

Летели три ворона,

Ревели в три голоса:

«Ты судьба, ты судьба,
Ты прискорбная вдова!
Мы не бедные люди —
У нас медные клювы,
Мы не как остальные —
У нас перья стальные,
А заместо глаз
Красны уголья у нас.

Маемся смолоду
От лютого голоду.
Мы твои дети,
Куда нам летети?»

Отвечала судьба,
Прискорбная вдова:
«Я вас, дети, возлюблю,
До отвала накормлю:
За земным за краем,
За синим Дунаем
На высоком холме
В золоченой броне
Тело белое лежит,
Никуда не убежит,
Вас дожидает,

Глаз не закрывает.

Ему не на что глядеть,

Ему незачем терпеть,

Ему не о чем тужить,

Ему хватит жить...»

Так примета насчет красных воронов и сбылась.

Глава третья

А еще один не известный, но заслуживающий полного доверия автор повествует о том, как Рыцаря Феба в некоем замке заманили в ловушку; пол под ним провалился, и он полетел в глубокую яму, и там, в этом подземелье, ему, связанному по рукам и ногам, поставили клистир из ледяной воды с песком, отчего он чуть не отправился на тот свет. И несдобровать бы бедному нашему рыцарю, когда бы в этой великой беде ему не помог некий кудесник, верный его друг.

Сервантес

Жихарь слышал, что в смертную минуту перед человеком проходит вся его жизнь, вся как есть, с мельчайшими подробностями, и надеялся, что успеет припомнить начальную свою пору, и родителей своих, и настоящее имя, потому что памятная его жизнь была коротенькая и непутевая, а Бессудная Яма весьма глубока, и хватит ли ему обычных воспоминаний, чтобы долететь до дна, не станет ли скучно и тоскливо по дороге, не завоет ли он в голос, к вящему удовольствию князя Жупела? Орать было стыдно, молчать тяжело. Никаких картин из жизни перед глазами не наблюдалось, а была сплошная чернота. Время растянулось, словно медовая капля, падающая из ковша, ничего не происходило, и богатырь напугался: что, если смерть такая вот и есть – все понимаешь, а сделать ничего не можешь?

Тут он спиной ощутил какое-то встречное движение, легкие уколы, услышал тихое потрескивание, и вот со всех сторон охватила его колючая и душная шуба, и стал ожидать он последнего страшного удара заостренных кольев, но так и не дождался. Тут уже не время замедлилось, а падение, скоро оно совсем прекратилось, и молодца даже подбросило невысоко кверху, а потом гора сухого сена окончательно приняла его.

«Ты смотри – даже колья в яме нельзя оставить без присмотра!» – подумал Жихарь, и тут его с великой силой ударило по спине. Жихарь схватился за ушибленное место, потом, к своему удивлению, нащупал знакомые изгибы золотой ложки.

– Я вам покидаюсь, собачьи дети! – заорал он и вовремя сообразил увернуться – на его место тяжело рухнуло чье-то тело. «Должно быть, Фуфлея-покойника бросили, – решил Жихарь. – Теперь людям и вправду велят говорить, что я его зарезал ядовитым ножом – срам какой...»

Пошарил руками, и оказалось, что у чаемого Фуфлея нет ни рук, ни ног, ни самой головы и вообще это не Фуфлей, а кожаный мешок, от которого вкусно пахло вареным, печеным и даже хмельным.

«Зря старый варяг снеди кинул – дольше буду мучиться», – пригорюнился богатырь, но, как всегда после опасности, в животе забурчало, он развязал мешок, взял прямо сверху жареного гуся и как-то незаметно для себя обглодал до последней косточки. Жить стало лучше, жить стало веселее. Надо было как-то устраиваться, а там, глядишь, и выбираться. Над головой голубел кружок неба. Да и мрачная песня дружинников ласкала ухо – на своих поминках побывать всякому лестно.

На всякий случай Жихарь издал несколько пронзительных смертных стонов, громко пожаловался на остроту кольев и соседство многочисленных мертвых тел и разных чудовищ. Конечно, проверить вряд ли кто осмелится, но если князю заблажит...

Потом темнота надоела богатырю, да и верные товарищи наверху разошлись. «За стол, поди, вернулись, поминать будут», – позавидовал Жихарь и ласково погладил варяжий мешок. По бульканью он определил деревянную флягу с пивом, достал и приложился, поминая себя добрым словом. Питье надо беречь,

вовремя вспомнил он. Пора бы и оглядеться.

Жихарь вытащил из-под себя пучок сена, скрутил его особым образом, зажал между ладоней и стал сильно тереть. Такое не всякому по плечу, но молодой воин долго этой хитрости учился у Кота и Дрозда в глухом лесу. Мало-помалу сухая трава затлела, а потом и пламя показалось. Жихарь скатился на землю – было довольно высоко – и удивился: кто же это заготовил тут такую пропасть сена и зачем? Никаких мертвых тел и тем более чудовищ поблизости не валялось.

Яма была внизу просторная, богатырь принялся ходить туда и сюда, внимательно следя, не колыхнется ли пламя. Ходить пришлось долго, то и дело возвращаясь к стогу за новой долей сена. Сверху ведь его свалить не могли, значит, как-то по-другому доставили. Огонь и дым устремлялись вверх, но наконец потянулись и в сторону. Жихарь пошел, куда тянуло, и наткнулся на решетку. Решетка закрывала не какой-нибудь собачий лаз, а добрую дверь.

Жихарь покрутил в руке сорванный замок и сдвинул решетку. Из прохода сильно тянуло холодом.

Сперва он хотел на прощание поджечь стог – дым пойдет вверх, то-то будет там страхов и пересудов! Огненного змея заподозрят! Яма – она и есть Яма, недаром у далеких предков в жаркой стране за Зимними Горами бог смерти так прямо и звался: Яма... Да князь Жупел со страху убежит к тестю в Грильбар!

Но потом подумал: а как не убежит? А как случится новому бедолаге сюда лететь? Жихарь сплел толстый жгут сена, воткнул его в стенную трещину и зажег. Потом, не торопясь, разложил щедрые дары скопидомного варяга и честно поделил пополам, оставив долю грядущему бедолаге. Может, князь с княгиней прямо сегодня сюда еще кого-нибудь ввергнут? Залез обратно на стог и взбил сено, чтобы мягче было падать. И сверху заметил, что колья тут все же были, но кто-то их выдернул и рядом поставил к стене – добрый десяток.

Богатырь скользнул вниз, выбрал пару кольев: один для факела, другой для драки. Обрывком железной цепи подпоясался – тоже пригодится. Все было готово к походу в неведомую тьму.

Все, да не все. Ведь, если заметят слабый дымок, если Жупел что учует, он же спровадит сюда всю дружину – добивать преступного обидчика. А они увидят ход и кинутся в погоню. Придется погодить.

Колдовать как следует Жихарь, конечно, не умел, но кое-чего нахватался у тех же Кота и Дрозда. Разбойники без чар не живут. Он наковырял глины из стены и с сожалением размочил ее пивом. Из глины он как попало вылепил человечка, стараясь, чтобы тот походил на него самого, но человечек все равно получился страхолюдным. Указательным пальцем лепила проколупал в глиняной головке разинутый рот. Потом прокусил до крови мизинец и смочил кровью лоскуток, не пожалев нарядной рубахи. Лоскуток он воткнул болванчику в грудь, где полагается быть сердцу, слегка полюбовался на свое творение и подсадил его на верхушку стога.

Болванчик, не чинясь, начал отрабатывать свою недолгую жизнь: из дырки во рту полились наверх жалобные сетования и причитания, перемежающиеся проклятиями вероломным друзьям. Выражался глиняный при этом столь забористо, что многие хулительные слова не были знакомы и самому Жихарю.

Голос, конечно, был мертвый и противный, но чего и ждать от человека, пронзенного осиновыми кольями?

– Не заткнется ведь, пока не засохнет! – похвалил Жихарь сам себя и тронулся в путь.

Коридор был просторный, не пришлось даже нагибаться. Может, предки многоборцев его выкопали в свое время на случай осады, а потом забыли, хотя вряд ли: уж такой храбрец, каков Жупел Кипучая Сера, знал бы наверняка.

Значит, не старые люди рыли; во-первых, за столько лет тут бы все давно обрушилось и осыпалось, а во-вторых, разве под силу человеку проложить такой ровный и круглый ход? Словно огромный земляной червь его проделал, вон и бороздки на стенах...

Искать его теперь никто не будет, а если и увидят, посчитают за умруна: или за ходячего мертвеца, или за живого покойника, или, чего доброго, за бойкий труп примут. Потому что после смерти человеку, если он не желает спокойно в земле отдыхать, только в этих трех видах обретаться и можно. Ходячий мертвец

людям без толку и даже опасен, потому что его под землей научили сосать кровь; живой покойник неприятен, поскольку приходит по ночам и вещает самую горькую правду, а кому она нужна; бойкий же труп обязан указывать людям клады, а они, увы, не во всякой местности зарыты.

Людей, конечно, не грех поугатать лишний раз, чтобы не возомнили о себе лишку, только пугателей и без Жихаря хватает. Молодому бойцу редко приходилось сталкиваться с Замогильным Людом, но воспоминания остались самые поганые... Надо было в сене-то порыться, найти сухую полынь, траву окаянную, бесколенную, на всякий случай – умруны ее не терпят...

Можно, выйдя на свет, податься на север и сказать, что послал его старый Нурдаль Кожаный Мешок, и мешком в доказательство потрясти, только ведь и там не мед – зря, что ли, варяг поперся в такую даль искать службы у лютого князя?

Можно податься и на юг – там, за страшной высоты горами, после той самой битвы, в которой погибли чуть ли не все люди на свете, снова поднимаются из руин древние державы, и умелому воину всегда найдется дело, только ведь жарко у них, и сидеть придется, не по-людски скрестив ноги, и на пупок свой пялиться, словно в нем есть что-то хорошее.

Если же пойти на юго-восток, непременно уткнешься лбом в бесконечную стену из обожженного кирпича, охраняющую Чайную Землю. Перелезть через эту стену – полдела, только что за ней? Раскосые насельцы этой земли ловки драться без оружия, но против доброго кулака не дюжат. Скучно. В один час ложатся, в один час встают, детей зачинают по указу...

А на западе, за чернолесьем, по берегам теплых морей, живет люд богатый и гордый, все прочие племена почитающий дикими и подвластными. Вот туда бы двинуться, обломать им рога.

Но для начала неплохо бы просто выйти из-под земли на белый свет, но ход, как на беду, ведет все ниже и ниже...

Плохо горит осина, а все равно Жихарь разглядел впереди пару зеленых огоньков. Не в добрый час помянул он про Замогильный Люд. И что удивительно: пламени эти глазки вовсе не отражают, сами по себе светятся, словно гнилушки.

Кто же это будет из троих возможных?

Жихарь остановился и подождал, пока умрун подойдет ближе. Нет, это не бойкий труп: у того из носу текут бесконечные сопля, и если утереть их чистым наговорным платком, тут он тебе в благодарность покажет клад. И не живой покойник, а то бы еще издали начал перечислять пронзительным голосом многочисленные Жихаревы грехи и преступления, пока не застыдил бы до смерти. Стало быть, ходячий мертвец-кровопивец.

Жихарь переложил факел в левую руку, а правой крепко взял осиновый кол острием вперед. Умрун был недавний, ядреный, на нем еще одежда не успела истлеть; вот оружия не было и не могло быть, к счастью или к сожалению.

Волосы белые, а лицо молодое и даже румяное, борода отросла до пояса, ногтей под землей тоже никто не стрижет.

Мертвец и сам остановился и улыбнулся. Зубы у него были уже нечеловеческие, длинные и широкие, и непонятно даже, как они в этом рту помещались. Зубы располагались в два ряда и ходили ходуном – слева-направо, справа-налево.

Такому хорошо грызть решетки и кандалы.

Жихарь сделал легкий выпад колом. Ходячий мертвец отпрянул к противоположной вогнутой стенке и как-то ловко принял телом ее изгиб.

– Не любишь, – заключил Жихарь, взял и ткнул колом повеселее и чуть вбок.

Умрун скользнул по стенке в сторону – туда, откуда пришел Жихарь. – Иди-иди, – велел воин. – Все равно тебе там ничего не обломится. Нынче умрунов кормить не велено – живым не хватает...

Мертвец стремительно нырнул головой вперед, норовя перекусить кол, но Жихарь вовремя спохватился и треснул его колом по зубам, основательно их проредив. Умрун взвыл и отпрянул.

– Не любишь, – повторил богатырь и продвинулся вдоль стенки вперед. Потом замахнулся факелом. – Во, и огоньку не любишь? Так иди с миром.

Жихарь знал, что ходячего мертвеца нужно, хоть расшибись, держать на расстоянии. Он втянул живот, цепь-запояска ослабла и скользнула в подставленную руку с колом. Эх, нет у человека третьей-то руки, не нарастил!

Зеленые глазки замогильного молодца внимательно подстерегали всякое неверное движение, но не дождались. Точным броском цепь легла поперек прохода, отделив мертвое от живого непреодолимой для умруна преградой.

– А железа-то сильнее всего не любишь, – сказал Жихарь. – Ну и ступай прочь, видишь, я не добыча.

Мертвец согласно кивнул, повернулся и пошел себе дальше, к Бессудной Яме – должно быть, случалось находить там пропитание.

Осиновый кол влетел умруну в спину как раз против сердца. Ключом брызнула едко пахнущая кровь. Мертвец вскинул руки и обернулся. Зеленые глаза гасли, выразив укоризну.

– Ну, извини, – сказал Жихарь. – Бой по правилам – только для живых. Не оставлять же тебя за спиной – люди узнают, станут дураком дразнить...

Мертвец рухнул мордой вниз. Кол в спине дрожал. Жихарь подумал-подумал, да и выдернул оружие: мало ли кто встретится впереди. Хотя, по всем правилам, кол полагается оставить в ране, чтобы не зажила, так то по правилам...

Умрун в последний раз содрогнулся и сдох. Только выбитые зубы подпрыгивали на полу, стремясь к человеку, но железная цепь не пускала. Богатырь подобрал цепь, зубы растоптал в прах коваными сапогами, привел себя в порядок и пошел дальше, а на ходу рассуждал вслух, что в спину, конечно, бить нехорошо, но для умрунов сойдет.

Удаляясь, он нет-нет да оглядывался. Но все было тихо. Богатырь ругательски ругал себя, что вовремя не вспомнил про цепь, а потом сообразил: все правильно сделал, иначе бы не разошлись. Ход вел все вниз да вниз, и это было скверно. Наконец Жихарь воткнул совсем уже коротенький факел в стену, снял мешок, сел и еще подкрепился, мысленно попрекнув Кожаный Мешок за то, что валил со стола все подряд, без выбора. Однако стало полегче. Только и второй кол пришлось зажечь от остатков первого. Вся надежда теперь была на цепь да на

золотую ложку в случае ближнего боя.

Между тем глина, в которой проложен был ход, сменилась гранитом, и стало совсем уж непонятно, кто мог долбить себе дорогу в твердом камне.

Никаких следов живого присутствия видно не было, напрасно Жихарь искал по стенам зарубки или надписи. Замогильный Люд тоже не мог построить такое диво, им из земли выкопаться – и то радость.

«Э, да уж не к Господину ли Земляное Брюхо я на обед поспешаю? – опасливо подумал Жихарь. – Он ведь всякую дрянь ест, даже людей...»

Видеть Господина Земляное Брюхо вот уж точно никто не видел, а слышали многие, особенно рудокопы, как он там у себя ворчит, кашляет, жалуется невыносимым голосом на голод и холод, распевает дикие песни, чавкает, набредя на пласт жирной съедобной глины, устраивает постирушки, отчего штольни заливаются водой, хрустит, разгрызая кости древних чудовищ, а когда надумает выколотить из этих костей мозг, то земля трясется, ходы обрушиваются и рудокопы пополам с землей летят к Господину Земляное Брюхо в это самое брюхо. Справиться с ним способны только горные карлы, да и то не справиться, а отогнать, выкрикивая нарочито обидное слово, и слово это для человеческого языка никак не произносимо.

Тут Жихарю почудилось, что он и сам слышит где-то глубоко под собой невнятные стенания и пение.

«Поймал, должно быть, гулящего умруна или моим попользовался, – сообразил богатырь. – Сейчас переварит, и начнет у него брюхо земляное пучить, распирать. Земля задрожит, и камень не удержится – тут мне и конец».

Для храбрости герой замахал перед собой факелом и даже запел подходящую к случаю песню, древнюю и жалостную, про то, как погиб в бою единственный у матери сын, а много лет спустя заехал в ту деревню странствующий чародей и стал показывать за деньги живые картинки на белом полотне и как мать увидела сына, размахивающего мечом, и как она потом убивалась...

Дальше ходу не было.

Прямо перед Жихарем весь проход занимала чья-то мохнатая задница с тоненьким хвостом. Шерсть была грубая, густая, отливала рыжим. Хвост то и дело молотил по стенам и потолку.

«Не понос, так золотуха, – печально подумал дружинник. – Надо же, напоролся на Индрика-зверя!»

Зверя Индрика тоже мало кто видел, а тем более живого. Ведь известно, что всю жизнь он проводит под землей, умело прокладывая себе ходы, а когда вылезет на белый свет, то сразу же и окаменеет. Поэтому Индрик показывается наружу только темной ночью, а если днем – то лишь когда соберется умирать, наскучив долгим веком. Вот каменных Индриков многие видели на крутых обрывистых берегах северных рек. Северяне зовут Индрика по-своему – Большая Земляная Мышь, хотя от мыши, пожалуй, у него только хвостик и есть.

Жихарь еще подумал, слазил в заспинный мешок, сжевал чуть не половину осетра и принял решение. Сперва он попробовал стегать Индрика цепью, но зверь не обращал на порку никакого внимания и продолжал беспорядочно отмахиваться хвостом.

«От меня так просто не отмахнешься!» – похвалил себя за сообразительность Жихарь и сунул факел прямо в шерсть. Повалил удушливый черный дым, и богатырь чуть не задохнулся, покамест до чудовища дошло, что сзади творится неладное. Хвост бешено замолотил по стенам, так что Жихарь еле сумел схватить его и намотать на руку. Впереди что-то, заухало и заскрежетало, и туша начала двигаться вперед – сперва еле-еле, а потом все быстрее и быстрее. Жихарь перешел на бег, стараясь не тянуть за хвост (кто его знает, чем оно кончится!), потом хвост все же натянулся, вырываясь из руки, по стенам вдоль прохода полетела каменная крошка. Пришлось бросить факел и вцепиться в хвост обеими руками. Переставлять ноги тоже стало некогда, Жихарь скользил на пятках по каменному полу и радовался, что обул на пир не нарядные красные сапоги с высокими каблуками, а грубые подкованные бахилы.

Да он и не мог явиться на пир в красных сапогах, поскольку пропил их накануне.

Индрик несся все быстрее. Из-под сапог летели искры – сталь на подковках была отменная. Дышать из-за дыма и каменной пыли было невозможно. Богатырь чихал и плакал, все крепче цепляясь за хвост.

– А и славненький же хвостик, жиловатенький, – приговаривал он на всякий случай сквозь кашель переделанное на скорую руку заклинание. – Не износится наш хвостик, не истреплется...

(Он едва успевал замечать, что мимо них пролетают какие-то другие ходы и пещеры, а в некоторых даже виднеются вроде человеческие фигуры. Фигуры махали руками, то ли угрожая герою, то ли приветствуя беспримерное его деяние.)

Тут огонь добрался до какого-то уж такого чувствительного Индрикова места, что зверь прибавил ходу, подковки и подошвы под Жихарем сгорели, черед был за ступнями богатыря, но внезапно все кончилось, и Жихарь со всего маху врезался в пылающую тушу. От удара он отлетел назад, хлопая опаленными ресницами.

– Приехали, – только и молвил герой, выпуская из рук разом обмякший хвост.

– До сих пор я только лошадей загонял...

Печально догорели последние завитки шерсти, и Жихарь оказался в полной темноте. Да не такой уж полной: между холкой чудовища и потолком была скудная полоска света. Жихарь по хвосту, как по веревке, поднялся на спину. Индрик был еще теплый, но подозрительно быстро остывал.

«Рыло высунул наружу, каменеет, скотина!» – сообразил герой. На раздумья времени не было. Он спрыгнул на пол и что было сил уперся левым плечом в копченый зад Индрика. Упираясь, он поминал Белбога, Мироеда, Проппа и хитроумного Дыр-Танана. С ними и толкать было сподручнее. «Окаменеет весь, тогда совсем с места не сдвину!» – страшился Жихарь, а как подумал о том, что придется возвращаться по этому бесконечному ходу, то и дело натываясь во мраке на всяческую нежить, то нашел у себя ровно столько силы, что сумел протолкнуть тяжелевшую с каждым мигом тушу на два шага. Потом посмотрел вверх и успокоился: «Живот поджать – пролезу!»

Правда, пролез, только мешок пришлось снять и тащить за собой. И хорошо, что протискивался с трудом, а то бы с разгона вылетел и свалился прямо в реку: по вековой привычке Индрик-зверь вылез на белый свет как раз посередине речного обрыва. Окаменевшая шерсть ломалась под пальцами. Голова Индрика

была вывернута и смотрела в небо. Громадные полукруглые бивни, числом четыре, иступились, истерлись о гранит. Вот как, значит, он под землей ходит: вращает башкой, словно шея у него без костей, а бивни выгрызают дорогу в земле и камне...

На речном берегу лежали круглые серые валуны – на них-то и мог упасть богатырь. Пришлось осторожно спуститься по отвесному склону, цепляясь за малые трещины, щели, корни и стрижиные гнезда.

Оказавшись внизу, Жихарь задрал голову и посмотрел на каменного Индрика.

– Загубил я тебя, брат, – сказал он. – Если бы не я, ты бы еще тыщу лет землю буравил...

Услышав его, каменный зверь подался вперед. Жихарь отбежал подальше, к самой воде. Индик, словно получив сзади хорошего пинка, вылетел из прохода, грохнулся вниз и снова обдал Жихаря каменными осколками. Только бивни остались целы.

А из пещеры на обрыве высунулась голова на длинной шее. Голова вроде бы человеческая, только очень большая, а шеи такой, конечно, у людей никогда не бывает. Голова клацнула зубами в воздухе и дико завопила, зажмурившись: не терпела, видно, солнца, хоть и на закате.

– Вот и третья смерть меня миновала, – подытожил Жихарь.

Ослепшая голова продолжала раскачиваться над берегом. Богатырь подбросил камень получше и очень метко бросил. Чуть не выбил глаз, но хитрая голова схватила камень на лету зубами и схрумкала. Жихарь приглядел еще один камень, лучше прежнего, но голова не стала его дожидаться, поспешно втянулась в обрыв.

– Вот так-то лучше, – заметил Жихарь.

Глава четвертая

Витязь

Этот холод окаянный,

Дикий вой русалки пьяной,

Всюду визг и суматоха,

Оставаться стало плохо?

Велимир Хлебников

Если долго-долго смотреть на полный месяц, можно разглядеть там целых двух человек в довольно интересном положении. Один поднял другого на вилы и задумался: брякнуть оземь или еще так подержать? Жители Чайной Земли, впрочем, усматривают там только жабу и зайца, но это, скорее всего, от узости взгляда.

Кто эти двое – в точности не известно, хоть некоторые и утверждают, что родные братья, чего-то там не поделившие. Таким образом, боги постоянно напоминают людям, какие они, человеки, сволочи: двое всего останутся, и то между собой передерутся. А на другой стороне, говорят, зрелище еще похлеще, только его до поры видеть не положено...

Так раздумывал Жихарь, уставившись на упомянутое прискорбное изображение, причем двойное: вода в реке текла ровно и спокойно, там и месяц отражался, и все прочие ночные светила, даже беспокойная бродячая звезда Зугель, которая в небе ходит не просто так, а носит вокруг себя кольцо, и разглядеть его может только самый зоркий человек на свете. Многие кичливо вызывались потягаться за это высокое звание при дворах сильных мира сего: расписывали, какие узоры на этом кольце, какие тайные знаки выдолблены, да только зря. Те, кому положено, знают, что кольцо самое простое, каменное и вовсе даже не целое, а из отдельных кусочков. Дерзнувших же похвастать необыкновенной зоркостью и простого-то зрения лишают.

При полном месяце человеку ночевать под голым небом негоже. Всякая нечисть и нежить, которая и белым днем не очень прячется, в такую ночь

распоясывается окончательно, не ставит ни во что ни охранительный чеснок, ни окаянную травку полынь. Она, пожалуй, и через железную цепь осмелится перешагнуть. Вон как мавки-то в реке плещутся, скоро полезут на берег чесать зеленые свои кудри и просить Жихаря позычить им для этого дела свой гребешок. Гребешок у него за тем же голенищем, что и ложка, но он пока еще не золотой, а все равно жалко. Если дать его наглым и мокрым девкам, они расчешутся и вернутся в реку с миром, а гребень придется выбросить, иначе потом облысеешь. Если же не дать, пожадничать, тут такое начнется...

Мавки вообще-то красивые, такие красивые, какими при жизни сроду не были.

Иные страхолюдины как раз для этого и топятся. Только красота эта обманная.

Бывает, снаружи дом весь покрыт резьбой, а внутри грязь, пыль, плесень. Так и мавка. Повернется к тебе спиной, и увидишь позеленевшие без воздуха легкие, небьющееся сердце, сопревшие кишки – такая гадость! Находчивый парень от мавок, правда, может отшутиться, только на это вся и надежда.

Костра Жихарь разводить не стал: уж лучше померзнуть, чем снова попасть Жупелу в лапы. Но когда потянет с реки туман, то за ним могут поползти и все как есть лихорадки: и Трясея, и Огнея, и Ледея, и Гнетя, и Грудя, и Глухя, и Ломея, и Пухнея, и Желтея, и Корчя, и Глядея, и самая страшная – Огнеястра-Невея. Против двенадцати сестричек имеется крепкое, надежное заклинание: помянуть Белого Аспирина да Горького Трациклина, только это тому помогает, у кого и так здоровье хорошее.

Может вылезти погреться под светлым месяцем и сам царь Водяник. Царского в нем только борода, а так просто большая лягушка. Тот любит донимать людей вопросами: «Что у нас без умолку? Что у нас безответно? Что у нас без корней? Что у нас чаще роц? Что у нас выше лесу? Что у нас краше свету?»

Семь без четырех, да три улетело – сколько всего?» Ответы известны даже малым детям.

А самого его следует осаживать такой загадкой: «Птица без голоса в гнезде из волоса, сама села, а яйца наружу – кто такой?» Водяник устроен не как человек и нипочем не догадается, от обиды навяжет на шею камень и в очередной раз утопится, ему не привыкать.

Прогнать всех этих речных обитателей можно очень даже просто и недорого, если окажется под рукой обыкновенный козел. Козла они не любят, да ведь и людям он не больно приятен. На всякий случай козла можно вылепить из глины, только духу в нем необходимого не будет...

Но никто не лез на берег, не пускал из воды шумных пузырей, а мавку по плеску не отличишь от сома или налима. Жихарь задумался, загляделся на светлый диск, который покачивался на воде... Покачивался, покачивался, да вдруг и сдвинулся со своего места, словно лист кувшинки с оборванным стеблем, и поплыл, поплыл по речному стрежню, пока не скрылся за поворотом...

Жихарь помотал головой, поглядел на небо. Все было на месте – и месяц, и звезды. Звезды отражались и в реке, а вот месяц куда-то подевался. Жихарь затаил дыхание и на всякий случай взял в руку камень. Ничего не происходило. Потом на воде появилось светлое пятнышко, стало потихоньку расти, расти и наконец достигло положенного размера. Жихарь облегченно вздохнул и положил камень на место. Но в этот самый миг отражение снова оторвалось от своей невидимой основы и устремилось вслед за предыдущим вниз по течению, в те края, где Месяц называют Луной...

Да, место он выбрал самое дурное. Хотя кто выбрал-то? Зверь Индрик! Значит, будут не мавки, не лихорадки и не царь Водяник, а будет нечто вовсе скверное. Вверх по обрыву в темноте карабкаться не станешь, да и куда?

Обратно в Столенград? Верно говорят, что возвращаться – плохая примета: сей же час голову отрубят.

Вода уже теплая, и не раз случалось Жихарю переплывать широкие реки, только не в ночь полного месяца. В воде он делается слаб и беззащитен, и может стать жертвой очередной желтой рыбы, сорвавшись с предназначенного места, перережет ему шею или грудь...

Правда, если опорожнить кожаный мешок и покрепче его перевязать, можно плыть и на нем. Но тогда придется волей-неволей доесть все припасы, а плавать на полное брюхо умные люди не советуют.

«Никто меня еще пальцем не тронул, а я уже все страхи перебрал, – укорил себя Жихарь. – Сам ведь хвастался гулящим девкам, что царю Водянику бороду оборвал, и речную тину в доказательство показывал. Вот и нахвастался».

Руки как-то незаметно для него потянулись к мешку, достали оттуда здоровенный печатный пряник и несколько каленых яиц. Созревающие луны продолжали скользить по реке одна за другой, но уже было не так страшно.

«Знать бы, куда они днем-то денутся – пропадут или станут дальше плыть, к Соленому Морю?» – задумался детина. На всякий случай решил о виденном никому не рассказывать, чтобы не засмеяли. Потом вспомнил, что рассказывать никому не придется, и загрустил. Грусть незаметно перешла в дрему, и ласковый голос над ним запел колыбельную, только напев стал как-то странно меняться, а голос опускаться все ниже и ниже, и знакомые слова превратились в чужие, рычащие и скрежещущие, и начали попадаться среди них полузабытые и давно заклятые имена истлевших идолов и околевших чудовищ, и от упоминаний этих застыла кровь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/uspenskiy_mihail/tam-gde-nas-net

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)